

О винопитии в русской деревне

Не столь простой вопрос и отношение крестьян к вину. Ответы очень противоречивы, хотя большинство опрошенных считает, что массовое пьянство началось лишь с 40-х годов.

«Село было 300 дворов. Была винная лавка – «казенка». Так на все село было всего 10 человек, которые пили. Село было трезвое, у «казенки» не давились, на заводе мало зарабатывали – не как сейчас. Один был Костя, любил выпивать. Семья была большая у него и коровы не было. Не как сейчас – пьют от большого до малого. Кто – то из крестьян приедет, купит сороковку, неделю будет ее пить. На свадьбу больше брали. У винной лавки очередей не бывало. Как объявили войну в 14-м году, «казенку» сразу закрыли, а в теперешнее время ее бы сразу разнесли – подавай вина» (А. П. Перевощикова, 1901).

Напряженный трудовой ритм жизни также, на мой взгляд, не давал возможности алкоголизации широких слоев населения. Да и общественное мнение было решительно настроено против пьяниц.

«Некогда было пить. Как-то в воскресенье вся деревня на лугу была, а мужик один ходил в соседнюю деревню — обратно идет пьяный, так бабы все руки охлопали: «Ой, Мишка-то в будень напился!» Пьяных не любили раньше. Их батюшка (поп) на сходе обсуждал. Да и пьянчужка был на весь приход один» (Е. А. Мерзлякова, 1905).

Как видно по этому рассказу, обычное воскресенье поводом для выпивки не считалось. Вино, самогон, пиво стояли на домашнем столе только во время праздника. М. Ф. Бобкина (1921) считает: «Из прошлого запомнилось то, что люди раньше жили мирно, сплоченно друг с другом, хоть и бедно. Люди не пили, пьяных не было. Одна рюмка без ножки была на всю деревню. Но знали, когда выпить. Больше отмечали религиозные праздники: старый Новый год, митреевские, семик, Троица, Рождество, Петров день, Ильин день, Благовещение, Пасха – все они отмечались. Жизнь была спокойная и веселая. Не было преступности, воровства». Особенно важна в этом рассказе фраза «знали, когда выпить». Употребление алкоголя – не внутренняя потребность человека, а неперемный атрибут праздника, притом не самый важный. Ведь главное на празднике не пьяный разгул, а атмосфера веселья. А. Н. К-ва (1910): «Раньше люди умели работать, умели и веселиться. По праздникам, конечно, немного выпивали, по рюмочке и потом веселились, пели, плясали. Знали меру. А сейчас и по

праздникам пьют, и в рабочее время нередко тоже можно пьяных встретить».

При подготовке к празднику заранее рассчитывали в соответствии с числом гостей, сколько нужно вина (под словом «вино» подразумевалась только казенная водка), и закупа-ли. Михаил Васильевич Котельников (1922) хорошо помнит: «К празднику готовятся заранее.

Ездят или заказывают купить водки в “казенке”. А “казенка” за 25 верст в селе Щеткино. Крепкой зажиточной семье посильно купить и четверть. Это одна бутылка в 3 литра – туда, где на праздник собирается до 30 гостей. Близкие родственники приезжают на лошадях в бричках и дрожках, на день, на два, а то и на три дня. Праздник проходит весело, дружно, с песнями и прибаутками. Водкой угощали маленькими рюмочками, с припевками:

Дуня, пей, Дуня, пей, водки не напейся!
На лукавого на Проню сроду не надейся!

Громко и выразительно певались песни «Когда б имел златые горы», «Хас Булат удалой» и другие хоровые, «Дуня – Дуняша»... Были такие мужики, которые в праздник спешили угоститься рюмочкой, то у одного, то у другого стола, и напивались допьяна. Таких не любили, на праздники не приглашали и знали их во всем приходе».

Без угощения хозяина самому гостю пить вино не полагалось. «Вино раньше пили только по большим праздникам. Пили маленькой рюмочкой. Хозяин обносил гостей. Кто сколько сможет. Варили пиво на солоду с хмелем. Людей, которые любили выпить, в деревне называли пьяницами. К ним не было уважения, над ними смеялись. Пьяницам говорили: «Кто чарки допивает, тот век не доживает» (С. Я. Чарушиников, 1917).

Многие помнят, что их отцы (женщинам вообще пить вино не полагалось) употребляли спиртное воистину в гомеопатических дозах. Лидия Федоровна Ш-ва (1929): «Запомнился мне случай из детства. Мой отец шел домой после полочки накануне праздника весной: несет сушки огромную вязку через плечо, на рынке купил 5 килограмм топленого масла и четушку водки. Вот мы все, семеро детей, обступили покупки, особенно поразила нас четушка водки. Отец и два соседа три вечера пили эту четушку водки, разговоров было очень много. Говорили они долго, а пили всего одну

четушку водки».

Одной из важных причин бережного отношения к вину крестьяне называют отсутствие денег в хозяйстве (причем не просто свободных денег, а денег вообще – ведь хозяйство – то почти натуральное). Вот очень типичное рассуждение: «В праздники собирались компании, пировали по 4–5 дней. Отмечали престольный праздник и свадьбы. Пили, кто сколько хотел. Была водка, самогон, пиво. Относились к вину осторожно, не было денег на водку. Ненавидели пьяниц. Пировать было не на что, денег не было» (М. Н. К-ина, 1915). Кстати, домашнее пиво в каждом доме делалось на свой лад, подгонялось под вкус хозяев.

В противоположность вышеприведенным высказываниям, где говорится об осторожном, умеренном винопитии большинства крестьян, имеются и другие свидетельства.

Афанасия Григорьевна Калинина (1909): «Работали много – с утра до ночи. А летом, в жары, и по ночам жали. Умели и праздники праздновать. Как, бывало, напляшемся, напоемся – так и все забудем. Правда, пили много мужики. Да какой тогда праздник без выпивки был!» Однако все опрошенные сходятся на том, что вне праздника крестьяне вина почти не употребляли. Н. К. Вычугжанина (1913): «Нельзя, конечно, сказать, что в наше время водку не пили. Пили и на свадьбах, и на праздниках, но как-то уж так было заведено, что если ты сегодня выпил, то завтра не опохмеляйся. Когда я работала в колхозе, то не было такого случая, чтоб какой – либо колхозник после праздника не вышел на работу. А ведь сейчас что, не только трактористы, а и доярки иногда по нескольку дней на работу не выходят, и как – то это все им с рук сходит».

Сегодня совершенно другой смысл вкладываем мы и в само слово «пьяница». «Отношение к вину разное было. Денег не было его покупать. На праздник варили русское пиво, не брагу, а густое пиво, очень вкусное. Дед мой Русаковский считался пьяницей – он ходил в Верховино за 6 км, покупал поллитру в воскресенье, пили там с другим дедом, и всегда приносил в бутылке грамм 200. Эта бутылка стояла в шкафу до субботы, и выпивал он остатки только после бани. В деревне к пьяницам относились с боязнью и презрением. Бывали, конечно, и пьяные драки, особенно когда выпивали молодые парни и приходили с Тюмени (деревня) — там драчуны были.

В послевоенные годы нравы значительно изменились, в 50-е годы стали пить уже больше, а потом и еще хуже» (В. Д. Устюжанинова, 1923). Безусловно, сильнейший толчок к началу массового пьянства на селе дала Великая Отечественная война. Атмосфера совершенно беспросветной рабской жизни требовала разрядки. Но в 20-30-е годы отношение к вину еще сохранялось почти таким же, как до революции. Самым эффективным контролем здесь был внутрисемейный контроль. А отношение внутри трудовой семьи к пьянству было резко отрицательным. «Пьянства как такового не существовало. Вот был случай. Отец поехал на мельницу занять очередь на помолку. Потом, когда она подошла, он послал меня за дядей Мишей, родным братом отца, чтоб тот привез зерно. Но дяди Миши дома не было, он сидел и пил брагу у соседей. За этот случай отец и дед в лесу «поучили» его розгами. С того времени он и стакана не выпивал без разрешения деда» (Н. Н. С-ов, 1910).

Не редкостью были крестьяне, совершенно не пьющие. «Как к вину относились? Ну, которые пили, так те пили. У нас вот дядя непьющий был, так мы в праздник весь вечер плясали да песни пели, и никаких драк не было. Раньше не было этой пьянки, как сейчас. Кто пил – тот пропащий человек. Семьи, где мужья пили, самые бедные и были. Потому что пьяный – он уж не хозяин в семье, да и работник из него никудышный» (Т. А. Шубина, 1919).

Правда, по праздникам пьяный разгул мог быть совершенно бесшабашным. «Да, пили раньше. У нас Вася, Сеня да Ваня – три брата соберутся втроем, выпьют три четверти – пили четвертями. Гнали самогон, ставили брагу. На почве этой пьянки было драк – каждый праздник.

Как соберутся, и давай драться!» (А. Е. Бобров, 1921). Самогон в 1920-е годы гнали крепкий, но часто для угощения всей деревни – после помочи. «Вино в деревне сами делали. Самогон, значит. Он был очень крепкий. стакан, полтора, и человек уже хорош. А если хорошо угадаешь, так до 90 градусов. Вот какой самогон был. Все это из хлеба. Покупали и водку, но больше по праздникам. Пили очень редко. А если делали самогон, так чтоб благодарность отдать. Обычно для помочи делали: печь сбивали, навоз вывозили, дом поднимали. Все на нужду делали, потому что деньги не платили, а соберет человек всех и угостит винцом. Ведь не сегодня – завтра я это же попрошу делать.

Пьяниц не было в то время, разве что старики, которым скоро на тот свет. А так вот в полном рассудке, да молодые по 28–30 лет не пили. Ведь семья-то нажита, так надо ведь шевелиться работать. Чтобы и пример детям показать» (А. А. Лысов, 1924).

Люди спившиеся, совершенно опустившиеся, были редкостью, жили уже где-то за гранью нормальной жизни, вне общества. «В те годы зря никто не пил, так чтобы через край. Был вот у соседей Миша Волк, у Буркина, у пекаря, жил. Он на бутылку зарабатывает и сразу в “казенку” бежит. Напьется, под забором выпится и на следующий день опять ищет у кого-нибудь работу: у кого огород вскопать, канаву прокопать. Дадут на пузырек – опять в “казенку”. У кого работает – тот его покормит. Так этот Волк под забором и умер. Фамилию у него я и не знал, все по прозвищу звали» (А. В. Клецов, 1918).

Нередко деревенский пьяница был средоточием всех прочих пороков: вором, картежником, лодырем, изгоем в своей деревне. Вот что припомнил Василий Васильевич Скурихин (1906): «Был в нашей деревне Галышев Иван Кириллович. Он пил, играл в

карты, иногда хулиганил. Довел свое хозяйство до развала, проиграл в карты лошадь, деньги, даже с себя вещи. Это считалось позором деревни. Народ к нему относился плохо. Однажды он пришел к моему отцу, стал просить денег, чтобы отыграться. Отец дал ему только пять рублей. Случилось так, что на этот раз он выиграл и свою лошадь, и много денег. Повезло ему. Пришел к отцу, чтобы вернуть долг. Дает отцу много денег, но отец взял только пять рублей, сколько дал ему. Позднее Галышев уехал из деревни».

Любопытно, что массовые драки с употреблением алкоголя, как правило, связаны не были. «Люди по праздникам в деревне веселились, но пьянства не было. В деревнях были отдельные пьянчужки – один – два на деревню. Но это были лодыри, которые не хотели работать. В деревенскую страду их можно было видеть с удочкой на реке или с поклажей за спиной, несущих что-нибудь в город; осенью – с ружьем, спешащих на охоту. Один раз мне пришлось видеть страшную мужицкую драку в одном большом селе, где две деревни что-то не поделили. Были убитые и раненые. Но дрались мужики трезвые» (А. А. Ваньшин, 1917).

Никакой борьбы с пьянством в современном понимании этого слова тогда не велось. Правда, действовала одна сила – это «общество». Бывало, по жалобе измученной жены пропойца – буян получал серьезное внушение, угрозу, а нередко и физическое воздействие. На такие собрания иногда приходил волостной старшина, и тогда этого пьяницу пороли розгами. В народе долго жили страшные рассказы о таких «общественных» расправах.

«В праздничный день пьяный мужик Степка Лабазов плелся из кабака к своей избушке и, на беду, увидел среди гуляющих свою жену. Он схватил ее за ворот и приказал тут же раздеваться. Бабы и девки с визгом разбежались, а пьяные мужики хохотали в сторонке. Трое трезвых мужиков сгребли Степку, избили до потери сознания. После той порки он уехал в Сибирь и не возвратился. Что с ним стало, не знали даже члены семьи» (Ф. Г. Патракова, 1907).

Совсем иная картина предстает перед нами в рассказах о жизни рабочих поселков, заводов, городских низов начала XX века. Вот типичное воспоминание о жизни небольшого рабочего поселка при заводе (Белая Холуница Вятской губернии) до революции: «Очень сильно распространено было среди рабочих и подростков пьянство и драки. Население пьянствовало, можно сказать, шла сплошная пьянка. Пропивали все, оставляя часто семью без куска хлеба. А драки были такие, что страшно вспоминать. Убийство, грабеж, насилие... Еще какие убийства. Особенно часто, когда знали, что едут купцы. Воровство и грабеж – считали, что Бог наказывает».

Мало изменилась здесь картина и в советские годы. Причем начинали пить водку многие подростки очень рано. Вот что вспоминает Валентина Васильевна Ерок (род. в 1922 г. в г. Ярославле) о годах детства: «Пили в городе сильно и много. В нашем доме была “казенка”, там все продавалось – от четушки до литра, все с разными наклейками и недорого. Если праздник какой – весь дом пьяный. Сначала песни поют, а потом драки начинаются, мужики жен своих да детей гоняют. Но вот женщины чтоб пили – не видела. Не пила до войны женщина. Но пили в основном рабочие, интеллигенция гораздо меньше. Мой папа тоже часто выпивал, но он когда выпьет – добрый такой, не дерется, не ругается. Всегда нам что –нибудь вкусное принесет или просто денег даст. Но мама сильно ругала его, иногда даже огреет в сердцах, но это понятно, семья – то большая. Молодежь тоже пила здорово. В школе, помню, учились в классе седьмом, правда, все взрослые были, лет по восемнадцать. Так мальчишки принесут на урок бутылку и под партой распивают. Сейчас-то даже представить такое нельзя, а раньше было, а в нашем доме особенно – все с одного завода мужики. Как получка – так и слышно: жены ругаются, а мужики песни орут».

И все-таки в крестьянской среде употребление алкоголя жестко регламентировалось и строго контролировалось. Винопитие не мешало напряженному трудовому ритму крестьянской жизни, правильному и размеренному ее течению.

Источник:

Бердинских В. О винопитии / Виктор Бердинских // Бердинских В. Русская деревня: быт и нравы. – Москва, 2013. – С. 120-127